

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 195–203

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 195–203

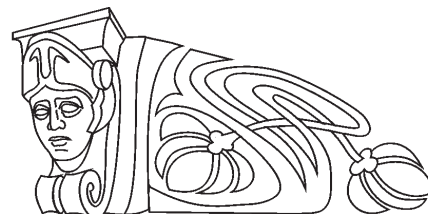
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203>, EDN: NLGYSW

Научная статья

УДК 821.161.1.09-311.6|18|+929Софья Алексеевна+929

Изображение царевны Софьи в исторических романах 1870–1880 гг.

Н. Н. Пуряева

Институт русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1

Пуряева Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, nadia_np@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9323-6850>

Аннотация. Статья посвящена анализу образа царевны Софьи в исторических романах «Престол и монастырь» (1878) П. В. Полежаева, «Царь-девица» (1878) Вс. С. Соловьева, «За чьи грехи? Великий раскол» (1878) и «Царь Петр и правительница Софья» (1880) Д. Л. Мордовцева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» (1879) Е. П. Карновича. Особенностью этих произведений является то, что они созданы примерно в одно время на материале одних и тех же исторических источников, имеют близкий сюжет и различаются трактовкой изображенных событий и характеров. Отмеченные обстоятельства позволяют рассматривать данные романы как манифестацию изменения общественного отношения к исторической личности царевны Софьи. В середине XVIII – первой половине XIX в. царевна Софья неоднократно становилась героиней литературных произведений, однако выступала в основном как отрицательный второстепенный персонаж. В статье констатируется, что образ царевны в анализируемых романах 1870–1880 гг. приобретает черты неординарной личности (отмечены ее образованность, круг чтения); царевна становится центральным персонажем; фокус конфликта в произведениях смещается с темы узурпации власти на нравственный вопрос о цене ее удержания. Результатом переосмысления истории царевны Софьи становится уточнение петровского мифа. Кроме того, с образом царевны оказываются сплетены два актуальных для второй половины XIX в. общественных вопроса: женская эмансипация, осмысление религиозного раскола XVII в.

Ключевые слова: царевна Софья, исторический роман, П. В. Полежаев, Вс. С. Соловьев, Д. Л. Мордовцев, Е. П. Карнович

Для цитирования: Пуряева Н. Н. Изображение царевны Софьи в исторических романах 1870–1880 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 195–203. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203>, EDN: NLGYSW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of princess Sophia in historical novels of 1870–1880

N. N. Puriaeva

Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University, 24/35, bld. 1 Krzhizhanovsky St., Moscow 117218, Russia

Nadezhda N. Puriaeva, nadia_np@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9323-6850>

Abstract. The article analyzes of the image of princess Sophia in historical novels *The Throne and the Monastery* (1878) by P. Polezhaev, *The Tsar Maiden* (1878) by Vs. Solovyov, *For Whose Sins? The Great Schism* (1878) and *Tsar Peter and Ruler Sophia* (1880) by D. Mordovtsev, *On the Height and in the Dale: Princess Sophia* (1879) by E. Karnovich. The peculiarity of these works lies in the fact that they were created at approximately the same time, were based on the same historical sources, had a similar plot and differ mostly in terms of interpretation of the events and characters depicted. The mentioned circumstances allow us to consider these novels as an indicator of changes in public attitudes towards the historical personality of princess Sophia. In the middle of the 18th – first half of the 19th century princess Sophia repeatedly became the heroine of literary works, but acted mainly as a negative secondary character. The article states that the image of the princess in the novels in question acquires the features of an extraordinary personality (her education and reading range are described); the princess becomes the central character; the essence of the conflict in the works shifts from the theme of usurpation of power to the moral question of the price of maintaining it. The result of rethinking of princess Sophia's story is a clarification of Peter's myth. In addition, two social issues relevant for the second half of the 19th century are associated with the image of the princess: women's emancipation and understanding of the religious schism of the 17th century.

Keywords: princess Sophia, historical novel, P. V. Polezhaev, Vs. S. Soloviev, D. L. Mordovtsev, E. P. Karnovich

For citation: Puriaeva N. N. The image of princess Sophia in historical novels of 1870–1880. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 195–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203>, EDN: NLGYSW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1870–1880-е гг. были отмечены ростом интереса русских романистов к исторической фигуре царевны Софьи. В 1874 г. вышел *лубочный роман* М. Е. Евстигнеева «Раскольничье гнездо сообщников царевны Софии», без изменений переизданный в 1884 г. под названием «Царевна-преступница», а чуть позже переработанный М. К. Йогелем – «Царевна Софья» (1888). На рубеже десятилетий было опубликовано по меньшей мере пять исторических романов, в которых она выступает как одна из центральных героинь. В 1878 г. вышли романы «Престол и монастырь» П. В. Полежаева, «Царь-девица» Вс. С. Соловьева и «За чьи грехи? Великий раскол» Д. Л. Мордовцева; в 1879 г. – роман «На высоте и на доле: Царевна Софья» Е. П. Карновича; в 1880 г. – роман Мордовцева «Царь Петр и правительница Софья». Среди нереализованных замыслов – работа Л. Н. Толстого над романом о петровском времени (подробнее об этом см. [1]), одним из действующих персонажей которого также должна была стать царевна Софья.

Таким образом, сюжет, связанный с царевной Софьей, оказывается востребованным у писателей самых разных страт литературы, от центральной до периферийной.

Последние десятилетия растет внимание исследователей не только к творчеству писателей-беллетристов конца XIX в., в особенности Вс. С. Соловьева и Д. Л. Мордовцева, но и интерес к собственно изображению царевны Софьи в художественных произведениях. В этой связи следует отметить ряд статей С. А. Васильевой [2], С. М. Ляпиной [3, 4], Е. В. Никольского [5, 6], посвященных роману «Царь-девица» Вс. Соловьева; статью А. В. Устинова [7], посвященную роману «За чьи грехи? Великий раскол» Д. Л. Мордовцева. Е. В. Никульшина [8], рассматривая проблему метатекста исторических романов о Петре I, дает краткую характеристику романам «На высоте и на доле: Царевна Софья» Е. П. Карновича и «Царь Петр и правительница Софья» Д. Л. Мордовцева.

Задача статьи – на материале романов «Престол и монастырь» П. В. Полежаева, «Царь-девица» Вс. С. Соловьева, «За чьи грехи? Великий раскол» и «Царь Петр и правительница Софья» Д. Л. Мордовцева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» Е. П. Карновича провести сопоставительный анализ этих произведений и выявить специфику изображения царевны Софьи.

Появлению вышперечисленных романов предшествовала публикация в течение

1850–1870 гг. исторических трудов П. К. Щербальского, Н. Г. Устрялова, И. Е. Забелина, С. М. Соловьева, М. П. Погодина, Н. И. Костомарова¹, вводящих в научный оборот значительное количество фактов, относящихся к Петровской эпохе и формировавших отношение к фигурам царевны Софьи и Петра I. Они не только отражали современные исторические подходы, в некоторых из них, например труде С. М. Соловьева, также находили проявление актуальные общественные вопросы, такие как эмансипация.

Однако жанр исторического исследования, очевидно, не удовлетворял запрос общества на осмысление своего относительно недавнего прошлого². Эту лакуну в 1870–1890-е гг. заполняла историческая беллетристика, ставшая

¹ В 1856 г. сначала в форме статей («Русский Вестник», т. 2, 3), а затем отдельной брошюрой было опубликовано историко-публицистическое сочинение П. К. Щербальского «Правление царевны Софьи». Это дебютное исследование начинающего историка-любителя стало едва ли не первой попыткой пересмотреть сложившееся на середину XIX в. негативное отношение к роли царевны в истории. Вышедшая в 1858 г. «История царствования Петра Великого» профессора Санкт-Петербургского университета академика Н. Г. Устрялова свидетельствовала, что, хотя и несколько усложнившаяся, но по-прежнему отрицательная оценка личности царевны продолжала доминировать. Заметным событием стала публикация работ И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв.» (1869) и «Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв.» (1869), существенно расширявшие представление о повседневной жизни и нравах эпохи. В 1863–1864 гг. вышли 13-й и 14-й тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, подробно описывающие правление царевны Софьи и содержавшие несколько более комплиментарную оценку ее роли. В 1871 г. была опубликована книга Н. Я. Аристова «Московские смуты в правление царевны Софии», в которой исследователь идет вразрез со сложившейся историографической традицией, утверждая невиновность царевны в приписываемых ей покушениях на жизнь младшего брата. Появление подобного сочинения (в его основу положена докторская диссертация Аристова, защищенная в том же 1871 г. в Казанском университете) говорит о постепенно формирующейся в академических кругах тенденции к пересмотру роли царевны. Еще одно свидетельство тому – вышедшая в 1875 г. книга «Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689» весьма консервативного историка М. П. Погодина, который, несмотря на в целом негативную оценку царевны, признает ряд ее заслуг. В 1878 г. вышла «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. И. Костомарова, в которой царевне Софье была посвящена отдельная глава.

² Показателен отзыв А. В. Никитенко об «Истории Петра Великого» Устрялова: «Прочитал я вышедшие в свет три тома “Истории Петра Великого” Устрялова, доведенной до начала Северной войны, и убедился, что истории Петра Великого у нас все еще нет. <...> В нем явное подражание карамзинской манере, отчего выходит старинная пухлая риторика, чистенько прибранная, но нестерпимая в наше время, притом ни одной яркой характеристики, ни одного живого образа. Все гладко и плоско, не исключая и самого Петра...» [9, с. 21–22].

одним из популярных жанров стремительно растущей в это время массовой литературы.

Первой из особенностей рассматриваемых нами исторических романов можно назвать их опору на исторические источники, в отличие от произведений первой половины XIX в., авторы которых (И. И. Лажечников, К. П. Масальский, Р. М. Зотов) в пользу динамики сюжета допускали значительные искажения исторических фактов.

Наиболее скрупулезен в этом отношении Полежаев, прямо следовавший за историческими фактами и избегавший включения в произведение вымышленных персонажей и ситуаций. Сюжетная линия романа Карновича также построена в соответствии с последовательностью исторических событий, однако автор вводит ряд придуманных персонажей. Вс. Соловьев и Мордовцев преломляют историческую канву через призму художественной фантазии, отчего в их произведениях наибольшее количество вымысла.

Специфика ситуации появления рассматриваемых нами произведений заключается в том, что они были созданы примерно в одно время, а авторам был потенциально доступен одинаковый набор исторических первоисточников. Жанр исторического романа задает рамки развития фабулы, поэтому во всех романах описан примерно одинаковый круг событий: смерть Федора Иоанновича, восстание стрельцов в мае 1682 г., прение о вере с раскольниками и усмирение раскольнического бунта, казнь И. А. Хованского, крымские походы кн. В. В. Голицына, линия отношений царевны с Голицыным и Шакловитым, ссора царевны с младшим братом Петром в 1689 г., пострижение царевны в монахини, стрелецкое восстание 1697 г. и его подавление; принятие царевой схимы. Действительно, четыре романа («Престол и монастырь» Полежаева, «Царь-девица» Вс. Соловьева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» Карновича и «Царь Петр и правительница Софья» Мордовцева) имеют схожий сюжет, различия проявляются в трактовке описываемых событий и характеров, прежде всего царевны Софьи. Роман Д. Л. Мордовцева «За чьи грехи? Великий раскол» охватывает иной временной период – с конца 1864 по начало 1682 г. Подробнее о нем будет сказано ниже.

Полежаев вслед за К. П. Масальским³ использует треугольник антагонистов: царевна

³ Имеем в виду его роман «Стрельцы» (1832).

Софья – Наталья Кирилловна – Петр; Вс. Соловьев вводит героиню-резонера Любу Кадашеву; Карнович делает царевну центральным персонажем, при этом использует для ее характеристики знаковые исторические фигуры, такие как Симеон Полоцкий, протопоп Аввакум, боярыня Морозова. Мордовцев, продолжая традицию произведений о царевне XVIII – первой трети XIX в., противопоставляет Софью и Петра. Сходную дихотомию образов наблюдаем в произведениях М. В. Ломоносова, И. И. Лажечникова, Р. М. Зотова.

Ко времени появления анализируемых нами исторических романов царевна неоднократно становилась героиней литературных произведений⁴. Если в текстах XVIII – первой половины XIX в. она изображалась исключительно как антипод Петра, отрицательный персонаж второго плана, к середине XIX в. отношение к Софье начало меняться. В произведениях Е. П. Ростопчиной и А. Н. Майкова она начинает позиционироваться как личность самоценная, как самостоятельная значимая историческая фигура⁵, однако ни одно из упомянутых произведений XVIII – середины XIX в. не включало целостного образа царевны, тем более ее портретного описания. В исторических романах рубежа 1870–1880-х гг. образ царевны впервые обретает черты личности, и личности выдающейся, – в этом вторая особенность исторических романов о царевне Софье данного периода.

Полежаев первым приводит полноценный портрет Софьи⁶: «Только одни глаза выделялись, и то не приятностью очертаний, а глубоким умным выражением, обильным внутренней силой,

⁴ Героическая поэма М. В. Ломоносова «Петр Великий» (1756–1761), роман И. И. Лажечникова «Последний Новик» (1831–1833), роман К. П. Масальского «Стрельцы» (1832), роман Р. М. Зотова «Таинственный монах» (1834), историческая сцена Е. П. Ростопчиной «Монахиня» (1842), стихотворение А. Н. Майкова «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (1867). Об образе царевны Софьи в русской литературе XVIII–XXI вв. см. [10].

⁵ Об образе царевны в исторической сцене Е. П. Ростопчиной см. [11], в «Стрелецком сказании о царевне Софье Алексеевне» А. Н. Майкова см. [12].

⁶ В предшествующих по времени произведениях о царевне Софье (М. В. Ломоносов, И. И. Лажечников, К. П. Масальский, Р. М. Зотов, Е. П. Ростопчина, А. Н. Майков) ее портретная характеристика не приводилась, за исключением стилизованного под фольклорное описания у Майкова: «Даром, что родилась девкой, – // Да иной раз так проймет // Молодецкою издевкой, // И как в духе, да взмахнет // Черной бровью соболиной – // Пропадай богатыри!..» [13, с. 452].

умевшей выражать то приветливую, душевную ласку, то холодную власть. За исключением же этой характеристической черты, царевну можно было бы принять за натуру обыкновенную, дюжинную, с сильным золотушным оттенком» [14, с. 361]. Карнович отмечает, что царевна некрасивая, но умная. Вс. Соловьев, напротив, изображает ее прекрасной голубоглазой блондинкой, что, по оригинальному наблюдению С. М. Ляпиной, является отражением внешности не самой царевны, но проявлением черт Царь-девицы из русских фольклорных сказок. Исследовательница объясняет обращение Вс. Соловьева к фольклорному образу Царь-девицы стремлением «показать иррациональный дух допетровской Руси, патерналистические суждения русского народа о царской власти» [3, с. 152]. Отметим, что во всех романах портрет является важной психологической характеристикой героини, эксплицирующей ее внутреннее состояние⁷.

Впервые в качестве характеристики царевны Софьи писатели приводят ее образованность и выдающиеся способности, акцентируя нетипичность женского образования в XVII в. Полежаев отмечает, что Софья значительно превосходила в учебе своих братьев и сестер, однако «никого не радовали ее успехи, мало того, отцу даже отчасти неприятно было, когда девочка опередила брата, объявленного наследником престола Алексея» [14, с. 369]. Вс. Соловьев использует прием характеристики через описание круга чтения героини. Перечень находящихся в *рабочем кабинете* царевны секулярных книг, переведенных крупнейшими деятелями книжной sprawy времен правления ее отца – Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским, – включает в себя в том числе сочинения по истории, географии, педагогике, даже анатомии: «Об убиении Карлуса I английского», уставы гражданско-правительственные, «Космография иже глаголется описание», «О граде Царском», «Гражданство обычаев детских», перевод трактата «О строении человеческого тела» Андреаса Везалия⁸. Автор декларирует, что библиотека царевны включала в себя наиболее прогрессивные книги того времени, а

⁷ О значимости портретной характеристики царевны Софьи в романе Вс. Соловьева «Царь-девица» см.: [4, с. 47].

⁸ Вс. Соловьев полностью воспроизводит список нерелигиозных переводов Епифания Славинецкого, указанный Н. И. Костомаровым в очерке «Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий и их преемники» [15, с. 129].

«содержание этих книг указывало на большую любознательность и замечательную, по тогдашнему времени, образованность Софьи» [16, с. 57]. Карнович идет еще дальше, устами наставника царевны Симеона Полоцкого предсказывая ей выдающуюся судьбу, которой она достигнет благодаря *собственным заслугам*: «Не о высоте твоего рождения говорю я, благоверная царевна. <...> На эту высоту поставил тебя Господь Вседержитель. Я говорю о другой высоте, о той, какой ты сама, при помощи Божией, можешь достигнуть...» [17, с. 10]. Процесс образования юной царевны прослеживает в романе «За чьи грехи? Великий раскол» и Д. Л. Мордовцев. Иными словами, в этих произведениях царевна Софья предстает как неординарная личность, во многом опередившая свое время.

Объясняя причины, побудившие царевну после смерти брата Федора бороться с Нарышкиными за власть, Полежаев, Вс. Соловьев и Карнович опираются на позицию С. М. Соловьева, согласно которой действия Софьи, с одной стороны, были неизбежным следствием враждебных отношений с мачехой, Натальей Кирилловной, а с другой – нежеланием царевны смириться с уготованным для нее будущим. Наиболее емко это сформулировал Вс. Соловьев: «...русская царевна не имела перед собой никакой надежды на семейное счастье. Со дня рождения, по одному своему положению, она была обречена на вечное девство. <...> Таким образом, девица-царевна волей-неволей должна была готовиться в монастырки, постницы, монахини» [16, с. 68]. Среди поколений царских дочерей царевна Софья оказалась единственной, готовой бороться за иную судьбу. Как пишет Полежаев, «тесно ей стало в четырех стенах, в среде неразвитых, по большей части тупоумных, сенных девушек и мамок. Не могли удовлетворить ее ни их красивые, затейливые механические рукоделия, ни их обычные сплетни и рассказы. Пробудившиеся силы требовали жизни, широкой деятельности и борьбы» [14, с. 370]. Таким образом, в трактовке Полежаева, Вс. Соловьева и Карновича отправной точкой конфликта служила борьба царевны, по сути, за свою жизнь. Наиболее емко эту идею выразил Вс. Соловьев в более позднем очерке о царевне Софье (1888): «Обстоятельства сложились для нее самым роковым образом. Перед нею, во всем ужасе и значении, предстал вопрос: власть или погибель. Она не могла обречь себя на поги-

бель. Ей оставалось достигнуть власти теми единственными средствами, какие были в ее распоряжении и какими можно было дойти до цели» [18, с. 15].

Первым шагом царевны к власти стал стрельцкий бунт в середине мая 1682 г. Полежаев, Карнович и Вс. Соловьев трактуют майский стрельцкий бунт 1682 г. таким образом, что он не был результатом подстрекательств царевны, однако она сумела обратить его себе на пользу. Серьезным испытанием царевны стал публичный диспут о вере с раскольниками, состоявшийся 5 июля 1682 г. Как подчеркивает Вс. Соловьев, «это был не мирный спор, а такое собрание, которое грозило окончиться новым бунтом и новой резней. Софья не смутилась, допустила расколуучителей в Грановитую палату, сама присутствовала при религиозном состязании и выказала в продолжение его все богатства своего разума, всю свою силу. Раскольничьи ораторы должны были удалиться, ничего не добившись; новый замысел стрельцов и Хованского рушился – дело обошлось без кровопролития» [16, с. 182]. В схожем ключе действия царевны характеризует Полежаев: если бы замысел раскольников удался, «течение русской общественной жизни, вероятно, надолго получило бы иное направление. Ум правительницы понял значение протестации, и, хотя последняя скорее могла бы быть в пользу ее личных честолюбивых видов, могла бы быть могущественным орудием в ее руках, она без колебания двинулась навстречу поднявшейся грозе. Только ее энергическим мерам обязана была новая жизнь своей окрепостью, а следовательно, и способностью к дальнейшему движению» [14, с. 445]. Иными словами, по мнению обоих авторов, царевна фактически спасла государство от новой смуты, тем самым подтвердив соответствие взятой на себя роли соправительницы. Карнович этому эпизоду внимания не уделяет.

Источником подобной трактовки следует, видимо, считать М. П. Погодина, который, несмотря на в целом негативную оценку царевны, отмечает ее заслугу в подавлении раскола: «Опасность, грозившая православной церкви, была отстранена благодаря смелости и решительности царевны Софьи» [19, с. 78]. Устрялов и С. М. Соловьев не уделяют внимания роли царевны в этом эпизоде.

Манера правления царевны охарактеризована авторами вполне сочувственно. Полежаев

пишет: «Ввиду такого <консервативного> склада русского общества царевна в цивилизирующем деле действовала чрезвычайно осторожно. Точно так же, как и отец ее, она покровительствовала иностранцам, вызывала их, позволяла французским эмигрантам, притесненным Людовиком XIV, свободный приезд в Россию по всем рубежам, но вместе с тем строго охраняла религиозное чувство народа. <...> Можно ли было ожидать такой же осторожности от впечатлительной, увлекающейся натуры Петра?» [14, с. 576]. Писатель отмечает, что главной проблемой являлась неготовность общества к изменениям, пусть и осторожным, но исходящим от нее, женщины: «По уму и образованию став во главе поступательного движения к цивилизации, Софья Алексеевна увидела себя совершенно одинокой, без всякой опоры» [14, с. 521–522]. Сходным образом об этом пишет Вс. Соловьев: «Однако первое время сознания своего торжества и счастья уже прошло для нее, и, хотя она не теряла энергии, но с грустью видела, как тяжело, как опасно то высокое, доселе неслыханное на Руси положение, которое она себе приготовила. Она не могла не сознавать себя одинокою, она знала, что пройдет еще несколько времени, вырастет и окрепнет младший из царей, Петр Алексеевич – и дело рук ее рухнет» [16, с. 191].

Таким образом, Полежаев, Вс. Соловьев и Карнович в целом сочувственно относятся и к причинам, побудившим царевну бороться за власть, и к исполнению ею роли правительницы. Для этих писателей, в отличие от их предшественников, писателей XVIII – первой половины XIX в., суть конфликта – не узурпация власти, а трагедия царевны, достойной престола, но не имеющей на него права. Они исследуют психологическую сторону исторических событий.

Здесь намечается потенциал для «макбетовского» поворота трактовки, однако, поскольку история царевны Софьи на данном этапе по-прежнему остается частью истории Петра, элементом Петровского мифа, этот вектор не получает самостоятельного развития. Таким образом, к 1870–1880 гг. царевна Софья уже не рассматривается исключительно как узурпатор. Осмысление ее истории расширяет трактовку деятельности и самой личности Петра: его реформы начинают восприниматься как альтернатива предшествующей более мягкой преобразовательной политики царевны Софьи, а его великому образу оказывается под стать старшая

сестра. В этом заключается третья особенность изображения царевны Софьи в этот период – переоценка побудительных мотивов действий царевны и ее исторической роли.

Четвертая особенность заключается в том, что с сюжетом царевны оказываются связаны актуальные на тот момент темы: эмансипация и осмысление обществом темы раскола⁹.

Женский вопрос, т.е. вопрос о месте и роли женщины в обществе, получивший особую остроту в пореформенный период, думается, стал одним из «триггеров» интереса к царевне Софье. Связь этой темы с личностью царевны была задана непосредственно в исторических трудах и историко-публицистических сочинениях 1860–1870 гг. Так, С. М. Соловьев писал, что наметившиеся в середине XVII в. изменения положения женщины в обществе не находили адекватного выражения в том числе и для представительниц привилегированного сословия: «...терем не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил, а с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее приятию, не могло представить ей чисто нравственных сдержек <...> Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет богатырь-царевна Софья Алексеевна» [21, с. 430].

Эту мысль продолжил Д. Л. Мордовцев в посвященном царевне очерке из серии «Русские исторические женщины» (1874): «Польский дух, или скорее западно-русская образованность с ее идеями несомненно отразились на развитии молодой, даровитой и восприимчивой царевны, и она первая из русских женщин, наравне с женой боярина Матвеева, вышла из терема и отворила двери этого терема для всех желающих русских женщин, как меньший брат ее Петр прорубил потом окно в Европу, тоже для желающих, а иногда и для не желающих. Одним словом, царевна Софья составляет переход от женщин допетровской Руси к женщинам Руси современной» [22, с. 145].

Как героиня, активно противостоящая жизненным обстоятельствам, царевна, ее жизненный путь представляет собой одну из ипостасей более широкой темы – темы женской судьбы, актуальной и активно разрабатывающейся в литературе второй половины XIX в.

⁹ Об изображении раскола в романе Вс. Соловьева «Царь-девица» см.: [20].

Важно отметить, что в рассматриваемых нами произведениях царевна Софья часто является не единственным воплощением идеи эмансипации. Иными словами, авторы показывают, что процессы изменения общественного положения женщин идут в разных слоях общества. Наиболее сдержан в этом, пожалуй, Полежаев: его царевна Софья ограничивается рассуждением о более свободном положении царственных женщин в других государствах, т.е. женщин немногочисленного привилегированного сословия. Вс. Соловьев вводит в свой роман героиню-резонера – 17-летнюю Любу Кадашеву, провинциальную дворянскую девушку, которую с царевной Софьей сближает¹⁰ самостоятельность мысли и действия, смелость и сила воли, стремление самой определять свою судьбу.

Наибольшее значение теме эмансипации придает Карнович. Как отмечает Е. В. Никульшина, образ царевны Софьи «привлекательный и зловещий одновременно, призван выразить одну из заветных мыслей Карновича: женщина делает историю» [8, с. 179]. Женскую тему в романе воплощает не только царевна, но целая группа героинь – стрельчихи. По сюжету они не взаимодействуют непосредственно с царевной, однако выполняют функцию своего рода «греческого хора»: сочувственно комментируют все основные повороты событий. Линия стрельчих прослеживается через весь роман, и в конце автор отдельно сообщает об их судьбе: после казней стрельцов их выслали из Москвы. Карнович не только ставит царевну в один ряд с государынями прошлого (царица Пульхерия, княгиня Ольга, королева Елизавета I Английская), тем самым обосновывая ее положение правительницы, но и изображает современниц, принадлежащих к наиболее значимым на тот исторический момент социальным группам: боярыню Морозову и стрельчих.

Еще один актуальный для 1870–1880 гг. вопрос – осмысление драматических событий, связанных с религиозным расколом в середине XVII в. Исторические публикации на эту тему стали появляться в 1860 гг.¹¹, а едва ли не первым писателем, связавшим тему раскола с царевной Софьей, стал А. Н. Майков в «Стрелецком сказании о царевне Софье Алексеевне»

¹⁰ Исследовательница С. М. Ляпина убедительно раскрывает мотив сиротства, также объединяющий героинь [23].

¹¹ «Рассказы из истории старообрядства» С. Максимова (СПб., 1861), сочинения историка раскола и ортодоксального критика старообрядчества Н. И. Субботина и др.

(1868). В восприятии Майкова раскол – безусловная угроза государству, а следовательно, зло; в этом смысле царевна Софья становится спасительницей отечества от религиозной смуты. Сходным образом трактует раскол Вс. Соловьев: помимо эпизода прения о вере, о котором упоминалось выше, Люба Кадашева по дороге в Москву попадает на сходку раскольников в подмосковном селе Медведково. Происходящее настолько ужасает эту отнюдь не робкого десятка героиню, что она теряет сознание. «Выключив» таким образом героиню из происходящего, Вс. Соловьев однозначно демонстрирует свое отношение к расколу – это смута, несущая угрозу государству. Полежаев упоминает в своем романе боярыню Морозову, однако не более чем фиксируя факт, что эти две женщины – современницы.

Карнович уделяет теме раскола больше внимания. Так, в начале романа он вводит эпизод разговора боярыни Морозовой и протопопа Аввакума о царевне: «Оба царевича и все царевны куда как тупы рассудком, одна царевна Софья Алексеевна заправская умница и чем более подрастает, тем более крепнет умом. Сказывал мне не раз князь Василий Васильевич Голицын, что не может надивиться ее светлому разуму, все она в толк взять может. Как заговорят с нею о делах государственных, так она складнее всякого боярина и думного дьяка рассуждает, да и к книжному учению она куда как прилежит. Поверишь ли, матушка, что она писание Сильвестра Медведева в чернь поправляла и на многие погрешности ему указывала и недомыслия его разъяснила. <...> Да и вообще слышно, что такой разумной девицы никогда в целом свете еще не бывало...» [17, с. 25]. Приведенный диалог, видимо, задуман автором для комплиментарной характеристики царевны. Более того, Карнович показывает, что не только Морозова знает о Софье, но и девятнадцатилетняя царевна интересуется личностью боярыни: «...вот и женщина <...>, а по твердости нрава и по смелости не уступает мужскому полу. Не будь только робка и наделаешь много» [17, с. 27]. Царевна не просто следит за ее судьбой, но видит в ней образец для подражания: «...много наслышалась в тереме царевна Софья о страданиях Феодосии Морозовой, и неукротимая духом боярыня представлялась ей образцом женской твердости, хотя бы твердость эту и приходилось применить к другим целям» [17, с. 35]. Таким образом, в романе Карновича появляется новое измерение темы раскольников – моральная высота личного

подвига таких фигур, как боярыня Морозова. Эта линия последовательно проводится в уже упомянутом ряде романов Мордовцева.

Отношение Д.Л. Мордовцева к царевне Софье более амбивалентное, чем у Полежаева, Карновича, Вс. Соловьева, при этом он обращался к ее образу чаще других. Мордовцев посвятил царевне биографический очерк в серии «Русские исторические женщины» (1874); первое художественное произведение, в котором царевна косвенно упомянута, – роман «Идеалисты и реалисты» (1876). Мордовцев последовательно углубляется в тему, изображая детство и юность царевны («За чьи грехи? Великий раскол», 1878), а затем период правления царевны («Царь Петр и правительница Софья», 1880). В конце жизни Мордовцев вновь возвращается к образу царевны в исторических новеллах 1905 г.: «“Пещное действо” на Москве в 1675 году при дворе тишайшего царя Алексея Михайловича», «“Вербное действо” в Москве», «Из острога до царского порога», «Тишайший у меня в гостях». В этих небольших зарисовках из жизни семьи царя Алексея Михайловича описаны взаимоотношения царя со своей «любимицей» – царевной Софьей («Из острога до царского порога», «Тишайший у меня в гостях»), а также взаимоотношения царевны и ее маленького брата Петра («“Пещное действо” на Москве в 1675 году при дворе тишайшего царя Алексея Михайловича», «“Вербное действо” в Москве»). Царевна изображена в разном возрасте – от 7 до 18 лет – и неизменно с симпатией.

Мы уже отмечали, что в историко-биографическом очерке о царевне Мордовцев высоко оценивает ее личность: «Софья и Петр – это были две почти равные силы, хотя рожденные от разных матерей, но силы тождественные, обе полные энергии личности. Софья, даже по отзыву ее недоброжелателей и личных врагов, была “великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеского ума исполненная дева”» [22, с. 145]. Автор отмечает образованность и широту взглядов царевны, делающих ее уникальной на фоне безликих представительниц царской семьи: «Царевна также была образованнейшей женской личностью своего времени, как ученица Симеона Полоцкого. Ей посвящали книги, в честь ее писали стихи – виршами той эпохи. Уже в 1682-м году архидиакон Чудова монастыря Карион Истомина подал ей вирши, в которых просит царевну Софью дать Русской земле образованных учителей, открыть школы» [22, с. 159].

В романе «За чьи грехи? Великий раскол», где царевна Софья появляется как один из второстепенных персонажей, она также изображена с осязаемым сочувствием. Исследователь А. В. Устинов даже утверждает, что «созданный теплыми и доверительными тонами образ царевны позволяет говорить о ней как о любимой героине автора» [7, с. 106], выполняющей «роль резонера» [7, с. 107]. Сначала она изображена маленькой девочкой, у которой боярыня Морозова – одна из любимых гостей. Затем царевна появляется еще несколько раз (в отличие от ее братьев и сестер), причем Мордовцев проследживает процесс ее образования и душевного становления. Софья симпатизирует Морозовой, внимательно следит за ее судьбой. Когда боярыня осуждена, Софья демонстрирует отцу свое неодобрение. В финале романа она противопоставлена младшему брату Петру, и это противопоставление не в его пользу.

Совсем по-другому царевна изображена в романе «Царь Петр и правительница Софья», действие которого разворачивается с весны 1679 г. до Рождества 1698 г. В нем Софья представлена как ограниченная, завистливая, злая, жаждущая власти. Писатель не приводит целостного портретного описания, однако через речевую и описательную характеристики создает негативный образ. В романе нет ни одного эпизода, который трактовался бы в пользу царевны. О ее образованности и широких интересах нет ни слова, напротив, Мордовцев изображает ее глупой и суеверной: царевна верит снам и предсказаниями. Получив во время Крымского похода ее письмо, князь В. В. Голицын реагирует следующим образом: «Дура! И писать-то не научил ее Симеон Полоцкий!» [24, с. 207]. Е. В. Никульшина даже утверждает, что тема «глупости» является основной в романе. Как обобщает исследовательница, в творчестве Мордовцева «на смену конфликту идеалистов и реалистов <...> приходит более абстрактное столкновение – конфликт ума и глупости» [8, с. 180]. Сторону «глупости» занимают царевна и все ее сторонники, которые цепляются за старые порядки, не понимая устремлений Петра к прогрессу.

Столь радикальное изменение отношения к царевне, расходившееся с более ранними произведениями Мордовцева, нуждалось в объяснении, и писатель счел нужным дать его в послесловии к роману. Писатель подчеркивает, что источником сюжета и характеров служили

исторические сочинения и документы, «они давали автору уже готовыми и типы, и образы, и картины» [24, с. 335], таким образом, он лишь следовал за источниками и стремился максимально достоверно воссоздать эпоху. Для Мордовцева существует незыблемая иерархия исторических личностей, доминирующее положение в которой занимает Петр: «...после обозрения всей нарисованной автором мрачной картины тем светлее вырисовывается величавый образ того, кто “похоронил” ту ужасную эпоху, который сделал невозможным ее возврат, ее повторение в истории нашего дорогого отечества» [24, с. 335]. В романе, таким образом, Петр является безальтернативным протагонистом, и Мордовцев подчиняет этой системе ценностей даже свою любимицу царевну Софью, ставя ее в позицию антагониста к Петру.

Итак, анализ исторических романов о царевне Софье 1870–1880 гг. позволяет сделать следующие выводы: авторы произведений опираются на исторические источники, хотя могут вводить в фабулу существенные элементы вымысла; в этот период в изображении царевны присутствуют две тенденции – традиционное противопоставление Софьи и Петра (продолжение линии, сложившейся в XVIII – первой трети XIX в.), представленное в романе Мордовцева «Царь Петр и правительница Софья», и новое, в котором образ царевны приобретает черты неординарной личности, ценной самой по себе, хотя по-прежнему прочно связанной с темой Петра. В оценке самого конфликта Петра и Софьи акцент смещается с темы узурпации власти на трагедию судьбы царевны, нравственный вопрос цены власти. История царевны Софьи уточняла Петровский миф, показав деятельность Петра как продолжение предшествующих преобразований сестры. Кроме того, образ царевны связан с актуальными в этот период общественными вопросами: женская эмансипация и осмысление религиозного раскола XVII в.

Список литературы

1. Гулин А. В. Несбывшийся эпос (Л. Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // Два века русской классики. 2020. № 3. С. 86–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117>, EDN: FRUFFH
2. Васильева С. А. Символика имени в исторической хронике Вс. Соловьева «Царь-девица» // Историко-литературный сборник. Вып. 2. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 131–143.

3. Ляпина С. М. Портрет царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица»: к проблеме соотношения исторических фактов и вымысла в художественном произведении // *Прошлое как сюжет : материалы Междунар. науч. конф. (Тверь, 5–7 апреля 2012 г.)* / отв. ред. А. Ю. Сорочан. Тверь : ТвГУ, 2012. С. 148–153. EDN: VYPNAL
4. Ляпина С. М. Композиционные особенности образа царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // *ФИЛОЛОГОС*. 2012. № 14 (3). С. 42–48. EDN: QCCZZJ
5. Никольский Е. В. Осмысление судьбы царевны Софьи в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2009. № 4 (20). С. 93–96. EDN: KXZYQL
6. Никольский Е. В. Типология женских характеров и судеб в произведениях Всеволода Соловьева о русской истории XVII века // *Art Logos*. 2019. № 4 (9). С. 54–67. EDN: XHLILB
7. Устинов А. В. Образ царевны Софьи Алексеевны в романе Д. Л. Мордовцева «За чьи грехи? Великий раскол» // *Романовские чтения: 400 лет окончания смуты и воцарения династии Романовых : материалы Всерос. конф. (Кострома, 2–3 марта 2013 г.)*. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. С. 106–109. EDN: ZMRWYJ
8. Никульшина Е. В. Проблема метатекста в исторической романистике, отражающей Петровский миф (на материале произведений (1820–1880-х гг.)) // Бардакова В. В., Бугрова Н. А., Вершинина М. А., Гурина Н. Е., Манаенкова Е. Ф., Никульшина Е. В., Панова О. Л., Петрова И. А., Шестак Л. А. Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: современные тенденции. М. : Планета, 2014. С. 173–189. EDN: UDWOAF
9. Никитенко А. В. *Дневник* : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 2. 652 с.
10. Пуряева Н. Н. «Я родилась в порфире... на ступенях российского престола»: образ царевны Софьи в литературных произведениях XVIII–XXI вв. // *Литература в школе*. 2024. № 1. С. 70–79. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2024-1-70-79>, EDN: ULSNEY
11. Пуряева Н. Н. Историческая сцена «Монахиня» Е. П. Ростопчиной и драма А. С. Пушкина «Борис Годунов» // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 42–45. EDN: LHCTBH
12. Пуряева Н. Н. «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» А. Н. Майкова // *Вестник Череповецкого государственного университета*. Технические науки. Филологические науки. Педагогические науки. 2024. № 5 (122). С. 220–230. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-5-122-18>
13. Майков А. Н. *Сочинения* : в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1984. 576 с.
14. Полежаев П. В. Престол и монастырь // *Царевна Софья*: Е. Карнович. Царевна Софья Алексеевна. К. Масальский. Стрелецкий бунт. П. Полежаев. Престол и монастырь. Исторические романы. М. : Новая книга, 1994. С. 359–606. (Всемирная история в романах: Летопись великих событий).
15. Костомаров Н. И. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей* : в 4 т. Т. 3. М. : Рипол-классик, 1998. 575 с.
16. Соловьев Вс. С. Царь-девица. // Соловьев Вс. С. Царь-девица. Юный император. М. : Правда, 1992. С. 6–269.
17. Карнович Е. Царевна Софья Алексеевна // *Царевна Софья*: Е. Карнович. Царевна Софья Алексеевна. К. Масальский. Стрелецкий бунт. П. Полежаев. Престол и монастырь. Исторические романы. М. : Новая книга, 1994. С. 5–172. (Всемирная история в романах: Летопись великих событий).
18. Соловьев Вс. С. Царевна Софья Алексеевна // *Север*. 1888. № 4. С. 14–15.
19. Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М. : Типография В. М. Фриш, 1875. 242 с.
20. Ляпина С. М. Изображение раскола в русской церкви в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // *Собор : альманах религиоведения. Православная цивилизация и культура*. Вып. 10. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. С. 99–104.
21. Соловьев С. М. *Сочинения* : в 18 кн. Кн. 7. Т. 13–14. История России с древнейших времен. М. : Мысль, 1991. 701 с.
22. Мордовцев Д. Л. *Биографические очерки из русской истории*. М. : Российская книжная палата, 1993. 432 с.
23. Ляпина С. М. Концепция сиротства в романе Всеволода Соловьева «Царь-девица» как культурный феномен // *Studia Humanitatis*. 2014. № 3. URL: <https://st-hum.ru/content/lyapina-sm-koncepciya-sirotstva-v-romane-vsevoloda-soloveva-car-devica-kak-kulturnyy-fenomen> (дата обращения: 14.10.2022).
24. Мордовцев Д. Л. Царь Петр и правительница Софья // Мордовцев Д. Л. Ванька Каин. Царь Петр и правительница Софья. Царь и гетман. М. : Планета, 1994. С. 93–338.

Поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024;
 принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
 The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024;
 accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025